

12 НОЯ 1986
Вестник Ленинград
г. Ленинград

ЭТОГО артиста знают все. Достаточно мелькнуть его высокой фигуре или мушкетерским усам на экране, как по залу зашлептит: «Боярский, Михаил Боярский...» Голос его звучит в мультфильмах, по радио, с пластинок и тоже моментально узнается.

Театралом он известен по спектаклям Театра имени Ленсовета, а фамилия запомнилась еще раньше, когда на сцене Театра имени В. Ф. Комиссаржевской играли отец и дядя Михаила — Сергей и Николай Боярские. Внешность актера стала своеобразной маской, ее процитировал Сергей Образцов в кукольном «Дон-Жуане», ее растиражировали на полиграфических сумках безымянные умельцы... В сознании многих маска слылась с лицом, вот уже лет десять слышим песенки, которые он поет, видим белозубую улыбку, сияющую то из-под широкополой шляпы, то на фоне паруса, то рядом с Аллой Пугачевой, то с Людмилой Гурченко... Уже который год школьники собирают записи Боярского и его портреты. Повзрослев, школьники приходят в театр и с удивлением обнаруживают, что их кумир — серьезный и интересный драматический актер. Те, кто бывает в Учебном театре и помнит спектакль курса А. Музиля «Тартюф», в котором Боярский играл Дамиса, могут подтвердить, что за двенадцать лет работы на сцене он как актер вырос необычайно.

— В театр я пришел, как только научился ходить. Первым учителем был, конечно,

отец. Любовь и благодарности к нему я сохранил навсегда. Профессиональная школа — это не только те, с кем играешь, это и те, кого видишь на сцене. И детские впечатления тут ничуть не слабее взрослых: Бабанова в Театре имени Комиссаржевской. Черкасов, Симонов Толубеев... После института мне повезло, в театре я попал в потрясающую творческую атмосферу, встретился с людьми профессиональными, тонкими мастерами: Владимиром Фрейндлих, Равиновичем Петренко, композитором Гладновым. Не говоря уж о кино и эстраде, где столкнулся с теми, кто составляет цвет советского искусства. — таланты, каждый из которых интересен по-своему.

Итак, уже более тридцати лет «театральной жизни» за плечами Михаила Боярского. Что ж удивляться тому, что он уже «не мальчик, но муж», взрослый человек, зрелый актер, со своими взглядами на мир и искусство? Он, несомненно, перерос и песенки, вроде «Пора-пора-порадуемся», и роли вроде начинающего таможенника из фильма «Таможняк». «Почему же он поет такие песни? Почему играет такие роли?»

— Не я выбираю, меня выбирают. А мое дело — соглашаться или отказываться. Театр — это мировоззрение режиссера. Как эстрадный певец я во власти авторов песен. В кино... Здесь для меня важное всего то, с кем работаешь. Лучше сыграть эпизод в фильме режиссера, которого уважаешь как художника и человека, чем главную роль в «чужой» картине.

«Где твой медведь?»

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ КОНЦЕРТА

К сожалению, таких «чужих» картин мы можем назвать гораздо больше, чем «родных» в киносудьбе артиста. Театр был более внимателен к Боярскому. Здесь мужали его мальчики («Интервью в Буэнос-Айресе», «Спешите делать добро», «Нечаянный свидетель»), здесь он впервые обнаружил романтическую «жилку» («Дульсинея Тобосская», «Люди и страсти»), предстал удивительно достоверным положительным героем («Победительница»).

— В театре для меня главное — быть полезным. Я счастлив, что в течение нескольких лет был необходимым партнером такой прекрасной актрисы, как Алиса Бруновна Фрейндлих. В спектакле «Станция» по Назыму Хикмету мне кажется, я испытал высшую радость, какую может дать работа. Я люблю своего героя, знаю, что играю и зачем. В «Победительнице» тоже играю с удовольствием Кирилл Львович мягкий, добрый, бескорыстный, мне абсолютно понятен и близок. Хотя здесь было труднее: Арбузов, что называется. — не мой драматург. Он рисует жизнь с высоты птичьего полета а персонажи его изъясняются каким-то искусственным придуманным языком этот язык тональность арбузовской пьесы мне все время приходится преодолевать. Но оль получилась, наверное, потому, что у меня уже был опыт работы над Арбузовым в «Нечаянном свидетеле». Очень помог и режиссер спектакля Анатолий Равинович — идеи драматурга он в про-

цессе репетиций формулировал так, что они становились моими идеями...

Но если бы я мог выбирать, то предпочел бы другие роли. Я — за романтику. Театр — высокое искусство. Мне кажется, зритель, придя в театр после работы, вправе видеть нечто иное, чем то, что видит вокруг себя каждый день, ему нужны шенспиловские страсти, размах или, может быть, напротив, — сгущенная реальность, как у Вампилова.

Невзначай актер высказал свои эстетические пристрастия чуть ли не формлой, которой социологи определяют феномен популярности: дифференциация и идентификация. Она вполне приложима к Михаилу Боярскому — эдакий свой парень, который совершенно неотразим в романтических сюжетах. Не оттого ли столь массов его успех в телефильмах «плащ и шпаги»? А в театре? Таким героем был дон Луис («Дульсинея Тобосская»), но, когда им попытались сделать Макхита из брехтовский «Трехгрошовый оперы», вышла осечка. Зрители разочарованы: критики ломают голову: почему завязятый герой не стал героем? Разгадка вероятно в том, что негативный «героизм», да еще из двадцатых годов нашего столетия, не совпадает с природой обаяния Боярского, который злым быть не может да и не

Очевидно, так оно и есть: он искренен, он весь на виду, когда выходит с гитарой к микрофону:

*Я весь в свету,
доступен всем глазам.
Я приступил к привычной
процедуре:
Я к микрофону встал,
как к образам,
Нет-нет, сегодня — точно
к амбразуре.*

Не лгать — это, безусловно, много. Но, безусловно, этого недостаточно для серьезного певца. От мягко-лирических или юношески-озорных песен еще далеко до «амбразур». С его приверженностью к героико-романтическим ролям он и в песню мог бы внести эту ноту, почти отсутствующую не только на эстраде, но и в театре.

Не часто на нашем эстрадном горизонте загораются «звезды»: музыкальность, обаяние, актерские данные, наконец, профессиональность — сочетание крайне редкое. Вот оно перед нами — это сочетание. Но отчего же оно столь одиноко и бесхозно? Режиссеры, призванные петь таланты, заботиться о всех аспектах творчества каждого эстрадного певца — от репертуара до музыкального сопровождения, от костюма и света до раскрытия индивидуальности артиста, — где они? Их обязанности сводятся к постановке концертных программ, массовых и многожанровых гала-концертов. Думаю, от профессиональной поддержки не отказались бы даже мастера, такие, как Эдита Пьеха, не говоря уж о моло-

дежи (скажем, из нашумевших «Ах, эти звезды»).

Все чаще на эстраду выходят драматические актеры, наверное, следовало бы привлечь и режиссуру со стороны. Тем более, что в театрах уже накоплен немалый опыт работы в музыкальном жанре, есть люди талантливые, со вкусом и фантазией. В нашем городе, где в театре и кино «звезд» не счесть, где музыкально одаренных актеров гораздо больше, чем перегруженных в собственных коллективах, зрители вынуждены посещать сборные концерты, чтобы в финале встретиться с любимым певцом. Можно ли назвать это уважением к зрителю? Или заботой об артисте? Наверное, не надо бояться, что эстрада отнимет у театра лучшие силы. К тому же, сетуя на чрезмерную загруженность, актеры нередко лукавят.

— По-моему, чем больше актер работает, тем он стабильнее. Нужно быть занятым постоянно. Для актера, который, как известно, сам инструмент своего труда, как и в спорте, как и в балете, нужен тренинг. — чем больше, тем лучше. Да и современный жизненный ритм таков: общение, впечатления от жизни, от искусства — стремительны, импульсивны, эмоционально и информационно насыщены. И этот ритм — мой.

Сейчас мы охотно ругаем молодежь за чрезмерное увлечение современными ритмами. Но увлечение музыкой — вещь полезная. В свое время ребята бесцельно простаивали в подворотнях и вдруг взялись за гитары — что тут плохого? Не могу похвастаться, что знаком с творчеством самодеятельных ансамблей и рок-клубов, но подозреваю: ориентируются они не друг на друга, а

на профессионалов. Почему, думаю, они, слабый ансамбль или бездарный певец играют, заполняют собой эфир? Чем он лучше нас? И действительно не лучше. Профессиональная самодеятельность — вот что пугает.

И это не чисто эстрадная проблема. В кино, в театре происходит то же. Актеры бегают себя, бывает, вовсе остаются вне театра, как сейчас Терехова, Петренко, Дьячков. Это «брожение» оттого, что театру тесно в рамках стабильности. Раздвинуть их могут, об этом не раз говорил, например Товстоногов, студийность, система приглашений на роль, малые сцены... Но это — в организационном плане. А для себя... Если не потрачено сердце, ничего не получится...

Прежде чем состоялось это интервью, я пришла на концерт с участием Михаила Боярского — «Осенний карнавал». Все было, как всегда: переполненный Дворец спорта «Юбилейный», цветы, аплодисменты, очередь за автографами. Но сам артист, похоже, уже не купается в лучах популярности, сам уже, кажется, испытывает неловкость и от старого репертуара, и от слишком юной аудитории, чувствуя потребность в более серьезном успехе. И весьма неприятная песенка «Большая медведица! Где твой медведь?» вдруг начинает звучать горько-иронично, будто поет он о самом себе. Хочется верить, что завтра нас ждет встреча с новым Боярским, не только на эстраде, но и в кино, и, главное, в театре. Кто подержит артиста? И кто поможет молодым, будущим «звездам»?

Е. АЛЕКСЕЕВА